

«ЧАСТНЫЙ» ПРИГОВОР

«Случаются еще истории, где в заурядной личности вдруг проглядывает человечество, мелкое происшествие вырастает до масштабов всеобщего...» — так заканчивает Фридрих Дюрренматт вступление к повести «Авария», заранее предлагая нам сосредоточиться и внимательно выслушать правдиво-неправдоподобный рассказ о роковом приключении преуспевающего коммерсанта, потерпевшего катастрофу в высшей точке своего бытия. Выслушать и задуматься над его смыслом, открыто безжалостным и глубоко человеческим.

Смысл этот не лежит на поверхности. Трагифарс Дюрренматта многослоен, его ядро окружает целая система оболочек, вложенных одна в другую, причудливо преломляющих мысль автора, которая балансирует на грани между забавным и жутким, обыденным и чудовищным, жизнеподобным и невероятным, оставаясь цельной в своей многозначности.

Экранизируя «Аварию», Витаутас Жалакявичус, сценарист и постановщик одноименного телефильма, не шел на упрощения. Во всяком случае он не делал этого намеренно. Диалоги в картине, насыщенные, афористичные, богатые оттенками, отвечают стилю литературного первоисточника; зрелищность, внешняя занимательность действия не отесняют философского содержания вещи; психологические и портретные характеристики персонажей точны и узнаваемы в главном. И композиция фильма, выстроенная по нарастающей, с лаконичной развязкой, органична внутренней логике произведения, в котором переход от игры к реальности совершается постепенно, а художественные мотивировки главной идеи накапливаются исподволь.

Итак, все начинается с игры в правосудие. С несколько курьезной, а в общем безобидной забавы, которой часто и с увлечением предаются четверо бывших слуг юстиции: бывший судья (Ю. Ярвет), бывший прокурор (Р. Плятт), бывший адвокат (Б. Бабкаускас) и отставной... палач (Н. Шацкий). Нынче вечером им не нужно инсценировать процесс Жанны д'Арк или припоминать дело Дрейфуса. Им повезло: в руки попался «живой материал», Альфред Трапс (Р. Адомайтис), случайный гость судьи, торговец текстилем. Он и сыграет роль подсудимого. Заметим, что Трапс — единственный настоящий в этой компании бывших.

Так почему же он соглашается участвовать в невеселом, зловещем, ирреальном балагане, которым тешатся праздные старцы? Почему так легко и свободно осваивается с ролью преступника и жаждет смертного приговора за убийство, которого, кажется, никогда не совершал? Почему его без труда «раскусили» и охотно приняли те, с которыми у него нет на первый взгляд ничего общего?

Регимантас Адомайтис довольно убедительно раскрывает этот существенный мотив: процесс сближения преступника и судей, завершающийся идиллическим единением. Правда, порой актер несколько более прямолинеен, чем того требует роль. Трапс — натура несложная, но далеко не примитивная.

Что касается остальных

исполнителей — Ю. Ярвета, Р. Плятта, Б. Бабкаускаса, Н. Шацкого, то их игру отличают слаженность ансамбля и глубокое проникновение в психологию персонажей, в подтекст сложных разноплановых ситуаций. Особенно ярко, с исключительным артистизмом и непринужденностью ведет свою роль Ростислав Плятт. Экономка судьи Симона (И. Мирошниченко) — фигура второго плана, но актриса умело подчеркивает в своей героине качества, немаловажные в общем идейно-художественном контексте ленты. Ее Симона вульгарна, лжива, порочна, расчетлива, и потому она здесь самый близкий Трапсу человек; она его копия, на которую не успели нанести лак внешней благопристойности. Однако, не оказавшись в доме судьи других единомышленников Трапса, людей одной с ним веры, вся игра непоправимо расстроилась бы, толком даже и не начавшись.

А между тем ничего подобного не произойдет.

Потому что, несмотря на резкие, бьющие в глаза различия между Трапсом и отставными деятелями правосудия, их многое сближает. И прежде всего причастность к миру, где мораль, добродетель, простая человеческая порядочность суть отвлеченные, недейственные понятия: они не котируются в «обществе свободной конкуренции», освобождаящем своих членов от необходимости слушать голос совести, следовать нравственным нормам.

Раньше Альфреду Трапсу и в голову не приходило, что он убийца, что, хорошо зная своего покойного шефа Гигакса, он заранее предвидел, сколь тяжело ранит того измена жены, рассчитал, что большое сердце Гигакса не выдержит — и место генерального представителя фирмы окажется вакантным... Хотя, конечно, он обо всем этом думал, затевая роман с госпожой Гигакс и после сознательно разоблачая их связь.

А что же судьи, независимые и мудрые, ведущие дело, «не оглядываясь на жалкий кодекс законов и его параграфы»? Они делают вид, будто судят неподсудного официальной юстиции именем высшей справедливости. И без особого труда установив состав преступления — заранее обдуманное убийство, приговаривают Трапса к смерти. Но все это одна игра в абсолютную справедливость, лишь видимость нравственного правосудия. Ибо они судят, но не осуждают Трапса. Они с радостью принимают его таким, каков он есть, и вместе с ним самим восхищаются своим милым преступником. Ведь он им и понятен, и близок, он не нарушал законов общества, в согласии с которыми и они прожили свою жизнь.

Однако сам писатель не был столь снисходителен: на последней странице повести Дюрренматта мы видели Трапса болтающимся в петле — суда собственной проснувшейся совести он не вынес. В финале фильма «Авария» Трапс тоже гибнет, но гибнет как бы случайно, за рулем эlegantного «бьюика», возвращаясь туда, где никто не решится осудить его даже в шутку.

Приговор приводится в исполнение. Символический, но отнюдь не частный приговор.

Николай САВИЦКИЙ.